

РОЛЬ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В КОНСТРУИРОВАНИИ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СТРАНАХ БОЛЬШОГО КАСПИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКИ ТУРКМЕНИСТАН)

Анна РОМАНОВА

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Мария ФЕДОРОВА

ГАУГН; Институт философии РАН

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ сложных многовекторных процессов формирования новых идентичностей в бывших советских республиках Каспийского региона. Исследовательский интерес обусловлен необходимостью теоретического осмысления новых внешнеполитических интересов России и ее актуальной роли в международном политическом пространстве. На протяжении веков Каспийский регион был значим для России. В современных условиях вопросы развития Каспийского региона воспринимаются как комплексная проблема. Каспийское море становится тем пространством, в котором конфигурация и союзы различных политических сил могут быть многовариантны и не всегда предсказуемы. Поэтому своевременной представляется задача выявления специфики формирования идентичности в странах Большого Каспия и той роли, которую играет в этих процессах политика памяти. Для анализа выбраны два государства центральноазиатского региона – Республика Казахстан и Республика Туркменистан. Исследование проводилось с использованием данных проведенных авторским коллективом социологических опросов как количественного, так и качественного характера. В роли основных респондентов выступили молодые люди – граждане обоих государств. Результаты исследования показали, что в Туркменистане

Анна Петровна Романова – доктор философских наук, профессор, директор НИЦ проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева.

ORCID: 0000-0001-8537-4893. E-mail: aromanova_mail@mail.ru

414056, Астрахань, ул. Татищева 20 А

Мария Михайловна Федорова – доктор политических наук, декан факультета политологии ГАУГН, руководитель сектора истории политической философии Института философии РАН.

ORCID: 0000-0002-1181-5219. E-mail: mf57@yandex.ru

119049, Москва, Мароновский пер. 26

Поступила в редакцию: 22.11.2023

Принята к публикации: 30.03.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социальной безопасности».

и Казахстане применяются схожие модели реализации политики памяти, которые включают в себя фундаментализацию собственного прошлого за счет его «удревления», пересмотр и переоценку совместного с Россией исторического пути и формирование образа будущего. Эти процессы направлены на обоснование и упрочение политической самостоятельности, демонстрацию новых возможностей и перспектив. Вместе с тем, результаты политики памяти неоднозначны, а ее эффективность в изучаемых государствах не одинакова: соответствие ожидаемых и реальных результатов более выражено в Казахстане.

Ключевые слова: политика памяти, коллективная идентичность, Казахстан, Туркменистан

Введение

З. Бауман определял идентичность как проблему – она возникает в качестве таковой и может существовать только в виде восприятия субъектом самого себя в отношении к другому и к миру в целом (Bauman, 1993: 34). Этот способ мирочувствования изменился уже в конце XX столетия. В осмыслении общественно-политических процессов человеком рубежа XX–XXI вв. в значительной степени стираются характерные для предшествующей эпохи модерна универсальность и прогрессизм, а вместе с ними и стремление к предвидению и антиципациям¹. Зато мы открываем локальное, мы переходим от Истории к историям, от идеи глобального общественного проекта к мультипроектам и т.п. Сегодня во множественном числе можно говорить не только об истории, но и об исторической памяти: единой исторической памяти нет как на временной, так и на пространственной оси координат; в каждом регионе в разные исторические периоды формируется своя историческая память, которая корректируется под воздействием совокупности социально-политических обстоятельств. Соответственно различаются формы, конфигурации, функции политики памяти, как и механизмы ее формирования.

О политике памяти, исторической и культурной памяти написано немало количество работ как в России, так и за рубежом. Политика памяти является ключевым инструментом конструирования национальных идентичностей, особенно в тех государствах, где имели место изменения политической структуры и политического курса. В условиях такого рода трансформаций начинается процесс корректировки политики памяти, ее контента и вектора. Существует целая серия трудов, посвященных особенностям политики памяти в Центральноазиатских республиках в целом. (Д.С. Плотников, А.В. Грозин, Д. Мальцев, Д.Э. Летняков, Г.И. Осадчая, И.А. Селезнёв, Е.Ю. Киреев, А.Э. Ларионов, В.А. Франц, Е.Г. Грибовод, Д.М. Ковба, Я.Ю. Моисеенко, А. Галиев и др.). Немало работ как российских, так и казахстанских авторов посвящено исследованию процессов конструирования политики памяти в Казахстане

¹ О темпоральностях эпохи Модерна, прогрессизме и проективизме см. подробнее.: Федорова, 2021a; 2021b.

(А.Д. Дерендяева, Н.М. Тернов, А.А. Галиев, А.Ж. Мырзахметова, Е.Б. Касенов, А.Т. Желдыбаева, М.К. Тулекова, Х.А. Сутеева, А.М. Тулекова и др.). В Туркменинии эта тема исследуется не так интенсивно (Д.С. Аннаоразов, Д.Б. Аннаев, Б.К. Кочаманова, Т.А. Бабаева, М. Соегов). Российские авторы включают туркменские исследования памяти в центральноазиатский контекст.

Мемориальный феномен сегодня – и насущное нравственное требование, и цель, и действенный политический ресурс в ситуации глубоких социально-политических разрывов и трансформаций. Обращение к памяти и выработка определенной интерпретации прошлого считается достаточно эффективной стратегией формирования элементов идентичности, сопутствующих становлению государственности при обретении независимости. Эта политика представляет собой искусство совершенно особого рода, требующее обширных знаний и умений в сфере истории, культуры, архивного и музейного дела. Однако порой проводимая политика памяти напоминает манипуляцию историей. Не случайно среди обществоведов появился термин «злоупотребление памятью», под которым подразумевается противопоставление «истории» как науки, направленной на поиск объективных и достоверных знаний о прошлом, и «памяти», изменчивой и субъективной реальности, способной чаще вводить в заблуждение, нежели устанавливать истину; последняя подвержена идеологическим манипуляциям в политических целях. Патологии коллективной памяти могут проявляться как избыточная память (современные практики патримонизации национального прошлого, чрезмерной меморизации и т.п.) и как память недостаточная. Но нельзя забывать и о том, что «работа памяти» (П. Рикер) – наиболее эффективная стратегия формирования национальной идентичности, позволяющая не просто корректировать образ прошлого и поддерживать длительность национального и культурного единства во времени, но также манипулировать историческим сознанием общества. Эти действия не всегда носят негативный характер, поскольку выступают значимым фактором урегулирования этнических конфликтов и средством выхода из состояния гражданской войны, но порой представляют собой манипуляцию и используются в угоду корыстным интересам.

Множественность исторической памяти как основа новых идентичностей

В современном мире вопрос конструирования идентичности оказывается актуальным как для давно сложившихся политий, так и для национальных государств, находящихся на ранних этапах своего формирования. В Аналитическом докладе ИМЭМО РАН «Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики» утверждается, что «"борьба за идентичность" стала ключевым направлением политической мобилизации в современном мире» (Регулирование этнополитической конфликтности, 2017: 7). Для молодых государств эта борьба приобретает особую значимость в те периоды, когда революционный энтузиазм, сопутствующий обретению независимости, оказывается исчерпанным. Тогда приходит осознание потери

прежних ценностных маркеров и ориентиров и складывается впечатление, что историческая длительность прервана. Это ощущение «временной брешы» было описано еще в начале XX столетия П. Валери, утверждавшим, что революционный опыт дает человеку чувство принадлежности одновременно двум эпохам: «С одной стороны, прошлое, которое не ушло и не забыто, но прошлое, из которого мы почти ничего не можем извлечь, чтобы ориентироваться в настоящем и представить себе будущее. С другой – абсолютно безликое будущее»². Так возникает стремление восстановить утраченную национальную идентичность, глубоко укорененную в цельном и объединяющем повествовании о прошлом. В этих условиях переформатирование идентичности – в первую очередь, национальной, но также культурной, исторической, и т.п. – предстает естественным процессом восстановления разрушенного социально-политического порядка и поиска новых мировоззренческих ориентиров.

Так или иначе, перед многими, особенно молодыми государствами, стоит проблема внутреннего единства, в поисках решения которой в отсутствии разработанных проектов будущего социально-политического развития они обращаются к исторической памяти как одному из возможных способов формирования идентичности и достижения внутренней целостности. Таким образом, память и идентичность взаимно влияют друг на друга. В данной статье речь пойдет именно о политике памяти, направленной на формирование новой идентичности, а не об исторической политике, направленной на легитимацию власти.

Процесс «работы памяти» при формировании идентичности, т.е. то, что принято называть «политикой памяти», варьируется от страны к стране и характеризуется нелинейностью и многофакторностью. Вместе с тем, исследователи выделяют ряд общих черт, которые одинаково присутствуют в государствах, различающихся по своим социально-политическим, экономическим и культурным характеристикам. В настоящей работе предпринимается попытка показать, каким образом схожие механизмы, функционирующие на уровне коллективной памяти, преломляются в общественном сознании отдельных государств, способствуя (или препятствуя) самовосприятию индивидов в качестве граждан своей страны и оказывая влияние на их отношение к согражданам или внешнему окружению. Для анализа были выбраны две страны центральноазиатского региона – Казахстан и Туркменистан. Оба государства связывают свою историю с тюркскими народами и опытом строительства социализма.

На протяжении столетий Каспийский регион был значим для России. Это утверждение в равной степени справедливо как для имперского периода при Петре I и Екатерине II, так и для советской эпохи, когда Каспийское море

² Аналогичное состояние странного исторического безвременья, «с интервалом времени, полностью определенным тем, чего уже нет, и тем, что еще не наступило». Подробнее см: Арендт, 2014: 18; Valéry, 1957–1960: 1063.

было почти внутренним, поскольку основная часть территории (за исключением той, что была закреплена за Ираном) принадлежала СССР. После 1991 г. ряд представителей политической элиты стал больше ориентироваться на Запад, а Туркменистан и Казахстан, считавшиеся по умолчанию братскими и союзническими государствами, выпали из орбиты приоритетных международных связей России. Даже с обретением независимости в 1992 г. первым их поздравил турецкий истеблишмент. Однако добровольный отказ от большей части акватории Каспийского моря в пользу соседних государств с течением времени стал осознаваться как комплексная проблема, включающая в себя как непосредственно переговорный процесс по разделу дна Каспийского моря, так и появление альтернативных, в обход России, транспортных коридоров. В последние годы в связи с изменением внешнеполитического курса России наблюдается трансформация российского восприятия Каспийского региона. Каспийское море становится тем пространством, где в любой момент могут актуализироваться различные проблемы, связанные прежде всего с этническими идентичностями как внутри стран, так и в регионе в целом. Поэтому весьма актуальной представляется задача выявления специфики политики идентичности в странах Большого Каспия, а также наиболее отчетливо проявляющиеся в мировосприятии молодого поколения особенности формирования социальной памяти.

Методика проведения исследования

Для выявления упомянутых особенностей были проведены социологические исследования: в Казахстане (январь 2023) – онлайн-анкетирование, выборка 700 человек (четыре области); 11 серий фокусированных интервью как в самом Казахстане, так и в Астраханской области (ноябрь–декабрь 2022), где сосредоточена крупная казахская ирредента и обучаются студенты – граждане Казахстана; 11 экспертных интервью преимущественно на территории Казахстана (два интервью были проведены с приглашенными из Казахстана гостями). Непосредственно на территории Туркменистана в силу закрытости туркменского общества проведение исследования было невозможным. Пилотные социологические исследования были проведены среди граждан Туркменистана (май–сентябрь 2023), обучающихся в России (онлайн-анкетирование – выборка 350 человек, шесть серий фокусированных интервью в Астрахани, Майкопе и Краснодаре).

Политика памяти: интенции и реалии

Одной из задач формирования национально-культурной идентичности того или иного народа – особенно в период модернизационных преобразований – является смягчение травмирующего опыта тяжелых политических потрясений, разрывов тканей исторической длительности через демонстрацию

континуальности национальной истории³. Здесь возникает сложность, связанная с общим мировосприятием и восприятием истории человеком XXI столетия. Дело в том, что структурная длительность той или иной социальной системы могла быть осмыслена через линейные темпоральности XIX столетия, ориентированные на кумулятивный прогресс Просвещения, но в современных условиях они все больше вытесняются и маргинализируются. В сегодняшнем восприятии темпоральный барьер между настоящим и прошлым, весьма герметичный в прежнюю эпоху, все чаще размывается, что создает условия для возникновения сложных и многослойных социокультурных конструкций, в которых причудливым образом сочетается архаика с новейшими модернизационными решениями (Федорова, 2023). В силу этого, по мнению культурологов, одним из основополагающих элементов политики памяти является принцип генетизма, «коренящийся в мифологическом мышлении и утверждающий, что происхождение определяет сущность». Именно «принцип генетизма» обуславливает значительный интерес к «началам истории» того или иного народа, его «истокам и корням» как факторам, определяющим его характер и положение в современном мире. «Уход в глубь истории, – отмечает А.Г. Васильев, – способен расширять границы “наших” предков, “нашей” идентичности практически до бесконечности. Поэтому то, насколько глубоко и в каком направлении произойдет этот уход, является социокультурной конвенцией, определяющей то событие, эпоху, этнокультурную и религиозную традицию, с которой данной общности следует себя идентифицировать» (Васильев, 2015: 45–460).

В молодых постсоветских государствах применение принципа генетизма на практике означало – помимо поиска «истоков» и «корней» в глубокой древности – еще и определение своего отношения к прошлому относительно недавнему, т.е. к опыту существования в качестве союзных республик. Соответственно, в реализуемой ими политике памяти можно выделить несколько векторов: расширение границ собственной истории на основании мифов и сказаний; встроенная в антиколониальный дискурс интерпретация российско-советского прошлого как «травмы» вопреки реальной истории; конструирование траектории трансформации независимого настоящего в светлое будущее и формирование новых мифов и традиций.

Как показывают проведенные нами исследования (Романова, Морозова 2023), и в Казахстане, и в Туркменистане происходит целенаправленное переосмысление культурной и исторической памяти, сформированной в советский период, и инкорпорирование произошедших социально-политических изменений в связи с распадом СССР в конструируемую историческую длительность. Но поскольку социально-политическая и экономическая

³ Характерным примером такого рода политики, например, в Казахстане, была государственная программа по освоению национальной истории с символическим названием «Народ в потоке истории».

ситуация в Туркменистане и Казахстане существенно различаются, то отличны и результаты осуществления политики памяти, и, в первую очередь, *модель конструируемой идентичности*.

Расширение границ истории народа, ее «удревнение» происходит путем включения в нациестроительство всех древних культур и цивилизаций, существовавших когда-либо на данной территории (Грозин, 2022a; 2022b), и включение их в генеалогическое древо титульной нации. Для обоснования в качестве исторических источников могут использоваться в том числе народные предания и легенды (Мальцев, 2017). Влияние этих идей на молодежь в настоящий момент неоднозначно. Несмотря на то, что в школьных учебниках Туркменистана и Казахстана особое внимание уделяется древней истории и ее мифологическим фигурам, рассматривающимся в качестве основателей (Романова, Морозова 2023), опрошенные в рамках настоящего исследования респонденты гораздо лучше знают современный период, нежели историю своих предков. При ответе на вопрос, какой из периодов истории – досоветский, советский или постсоветский – наиболее интересен для них, лишь немногие указали на досоветский период как наиболее значимый. Как показало сравнение результатов экспертных интервью и фокус-групп, информацией о древнем периоде Казахстана лучше владеют взрослые респонденты.

Среди знаковых для страны событий древности респонденты из Казахстана, прежде всего в экспертных интервью, упоминают *«образование Казахского ханства»* и Джунгарский период. В отношении первого было озвучено следующее высказывание: *«Период создания государственности идёт уже к началу Керей-хана и Жанибек-хана, когда они отделились от узбекского ханства и Узбек хана»* (информант № 9, Республика Казахстан)⁴. Про второй было отмечено: *«Он сложный период, был вот этот момент и, конечно, тогда отстояли территорию столетие, это война же все-таки с джунгарами была у нас очень мощная»* (информант № 9, Республика Казахстан). Причем именно джунгары, по мнению экспертов, стали одним из исторически значимых Врагов, вокруг которого был создан один из контекстов национальной травмы, наиболее безопасный для отношений с соседней Россией (Плотников, 2018). Тем не менее, количественные исследования и фокус-группы показали, что упомянутые сюжеты не входят в десятку самых важных исторических событий для большинства опрошенных (см. Таблицу 1).

⁴ Здесь и далее в цитатах интервьюируемых сохранены аутентичные стиль и язык.

Таблица 1. Какими историческими событиями, по Вашему мнению, гордится казахстанский народ? (Открытый вопрос)⁵

Table 1. What historical events, in your opinion, are the people of Kazakhstan proud of? (Open question)

Вариант ответа		%	Без учета затруднившихся ответить
1.	16 декабря 1991 года – день независимости республики Казахстан	11,7%	28,6%
2.	Декабрьские события в Алма-Ате (1986)	2,6%	6,4%
3.	Победа в ВОВ (1945)	2,0%	5,0%
4.	Январские события 2022 года	1,8%	4,3%
5.	12 ноября 1993 года – указ «О введении национальной валюты Республики Казахстан	2%	2,9%
6.	1941–1945 гг. – вклад казахского народа в ВОВ	1,2%	2,9%
7.	Время нахождения в составе СССР	1,2%	2,9%
8.	Присоединение Казахстана к СССР	1,2%	2,9%
9.	30 августа 1995 года – день конституции республики Казахстан	0,9%	2,1%
10.	Смена президента республики Казахстан 12 июня 2019 (К.К. Токаев сменил Н.А. Назарбаева)	0,9%	2,1%
11.	Октябрьская революция (1917)	0,6%	1,4%
Остальное		15,8%	38,6%
Затруднились ответить		59,1%	–

При ответе на вопросы о древней истории страны респонденты из Туркменистана в основном немногословны. При перечислении ведущими фокус-групп древних народов, связанных с территорией современной Туркмении и близлежащими территориями (парфяне, огузы и т.д.), участники фокусированных интервью соглашались: да, были такие.

Таблица 2. Какими историческими событиями, по Вашему мнению, гордится туркменский народ? (Открытый вопрос)⁶

Table 2. What historical events, in your opinion, are the Turkmen people proud of? (Open question)

Вариант ответа		%	Без учета затруднившихся ответить (%)
1.	День независимости Туркменистана 27 октября 1991 года	13,6 %	29,4%
2.	Древняя история	5,0 %	10,7%
3.	Современными событиями	5,0 %	10,7%
4.	Великая отечественная война 1941–1945	3,9 %	8,5 %
5.	Время правления Огуз-Хана	3,9 %	8,5 %
6.	Геоктепинское сражение 1880 г. (военный поход Российской армии по завоеванию территорий туркменских текинцев)	3,7 %	7,9 %
7.	Средневековая история	2,6 %	5,6 %
8.	События Гёроглы (туркменский героический эпос)	1,8 %	4,0 %
9.	День Государственного флага Туркменистана – 18 мая	1,0 %	2,3 %

⁵ Источник: составлено авторами.

⁶ Источник: составлено авторами.

10.	Битва при Данданакане 23 мая 1040 г. (крупное сражение, ознаменовавшее начало масштабных сельджукских завоеваний в Азии)	0,8 %	1,7%
	остальное	3,9%	9,1%
	Затруднились ответить	53,8 %	-

Среди обозначенных значимых исторических событий доминируют расплывчатые формулировки (см. п. 2, 3, 7 в Таблице 2).

Таким образом, принцип генетизма в обоих государствах применяется на уровне политики памяти, т.е. последовательного официального введения в курс национальной истории контекста древних цивилизаций (Хлыщева, 2022; Хлыщева, Тихонова, 2023), однако на уровне восприятия этой информации молодежью желаемые результаты пока достигнуты не были.

Общие черты можно выделить и в восприятии исторических персоналий как культурных символов Туркменистана и Казахстана соответственно. Так, в Республике Казахстан среди дореволюционных деятелей наиболее чтимой фигурой является Абай Кунанбаев (1845–1904), про которого было сказано следующее: *«Великий казахский просветитель, философ, гуманист, поэт, музыкант, такая личность, которая составила бы гордость любой нации. Нам повезло, что у нас, именно у нашего народа был такой человек. И наследие его, и вообще история его жизни, это вот актуально до сих пор. Без всякого какого-то такого насильственного принуждения, без официозов внедрения в какие-то образовательные учебно-воспитательные программы, без всего этого. Просто вот любой казахстанец и тем более любой казах имя Абай, мне кажется, ну чуть ли не с молоком матери – уважение, преклонение, любовь»* (информант № 8, Республика Казахстан). Онлайн-анкетирование показало, что Абай несколько превосходит по частоте упоминаний первого президента Республики Казахстан Н. Назарбаева (4 и 5 место, или 4,2% и 4,0%). Среди персоналий досоветского периода можно выделить также целую плеяду ханов (Кенисары-хан, Абулхаир-хан, Керей-хан, Батыр-хан, Жанибек-хан), однако их называют менее одного процента опрошенных.

Среди символов Туркменистана абсолютным брендом является поэт М. Фраги (1724–1782), известный всем опрошенным. Несмотря на то, что в знании фактологии своей древней истории опрошенные молодые люди демонстрируют очевидные пробелы, исторические и культурные символы (преимущественно мифологические и легендарные фигуры) перечисляются ими достаточно активно. Во-первых, это Огуз-хан⁷, который *«был чуть ли не первым Туркменом, но как минимум, основоположником всего этого туркменского»* (информант № 2, Республика Туркменистан). Примечательно следующее высказывание: *«Исторических личностей я не знаю, Огуз-хан на гербе, отец основатель туркмен, век не помню, есть в учебниках истории»* (информант

⁷ Родоначальник туркменских народов Огузского происхождения.

№ 2, Республика Туркменистан). Во-вторых, Горкут-ата (Коркут-ата, Коркут)⁸, который «был туркменским мудрецом». В-третьих, Героглы⁹, который «был богатырем туркменским» (информант № 1, Республика Туркменистан). Есть и единично упоминаемые исторические личности: Султан Санджар¹⁰, поэт Зеилили¹¹.

Таким образом, в обеих странах молодежь знает символические персоналии лучше событий своей древней истории, однако в Туркмении, где формирование национальной идентичности началось позже, чем в Казахстане, преобладают мифологические фигуры над историческими.

Травма как исторический разрыв или точка бифуркации

Процесс целенаправленного формирования идентичности, включающий в себя в том числе политику памяти, не ограничивается лишь обращением к историческим истокам народа, но предполагает установление преемственности между древнейшими началами полумифологического происхождения и реалиями современной жизни. Любая человеческая общность проходит через периоды трансформаций и катаклизмов, и чем древнее и богаче история народа, тем больше в ней революционных трансформаций, военных сражений и других судьбоносных моментов, приводящих к разрывам преемственности. Для поддержания и осознания собственной идентичности требуется переосмысление травмирующих общественное сознание событий посредством восстановления временной континуальности, иными словами, «перформатирования» национальной истории с тем, чтобы настоящее предстало продолжением единой линии развития. «Нарушение обычного порядка вещей может быть нормализовано и ритмизировано, – отмечает А.Г. Васильев, – прерванный континуитет может быть восстановлен, если травмирующие массовое сознание события будут вписаны в новую концепцию исторического прошлого». В пределах созданного «мнемонического континуума» прошлое структурируется в соответствии с некими моделями, в рамках которых исторические события наделяются новым смыслом и связываются между собой определенным образом¹². В данном случае речь идет уже не о поисках мифологического «начала», а об установлении важных для данной общности событий, приобретающих конкретное значение, об открытии специальных мест памяти, реликвий, памятников.

⁸ Поэт-песенник X в., создатель кобыза, личность которого отражена в эпосе «*Қорқыт ата кітабы*» («Книга деда Коркута»).

⁹ Герой туркменского героического эпоса, воин, мудрец, поэт, одновременно обладающий мифологическими чертами.

¹⁰ Один из последних правителей сельджукской империи, мавзолей которого до сих пор входит в культурное наследие.

¹¹ Туркменский поэт (1779/1780–1836), автор любовной и философской лирики. выразитель протестных настроений.

¹² По мнению культуролога, именно этот момент приводит к возникновению такого парадоксального феномена, как «непредсказуемое прошлое», означающий, по сути, актуализацию определенных моментов прошлого в настоящем. См: Васильев, 2015: 46.

В Казахстане и Туркменистане формирование новых смыслов происходит, прежде всего, исходя из пересмотра и переоценки исторического пути, пройденного совместно с Россией. Распад советского Союза для них является одновременно и разрывом темпоральности, и точкой бифуркации. По мнению некоторых экспертов (в частности, директора Института регионального развития Казахстана Валихана Тулешова), в процессе формирования новой идентичности этих народов общие ценности будут пробивать себе дорогу через вызревание в каждой из стран региона глубокой приверженности собственной национальной истории и культуре. Этот процесс называют ретрадиционализацией, поскольку он направлен на восстановление духовных традиций народов. Вместе с тем, автор признает, что традиционная идентичность казахов, кыргызов, узбеков, туркмен и таджиков нуждается в модернизации посредством внедрения инноваций в политико-правовой и социально-экономической сферах (Тулешов, 2017: 38).

Еще несколько лет назад исследователями отмечалось, что в Таджикистане и Киргизии вплетение нарративов о советском прошлом в контекст современного развития происходит относительно безболезненно, что отличает эти два государства от Туркменистана и Узбекистана, чью позицию можно охарактеризовать как радикально постколониальную. В Казахстане же доминирует «нейтральное или положительное восприятие сосуществования в общесоюзном государстве» и не наблюдается фокусирования на темах, связанных с деятельностью И. Сталина (Плотников, 2016). Вместе с тем, за последние несколько лет отношение прикаспийских государств – бывших союзных республик к советскому прошлому стало более негативным. Если ранее как «имперский» оценивался только досоветский период, то в настоящий момент данная характеристика применяется и ко времени существования СССР. Проведенное исследование показало, что на современном этапе «постколониальные» нарративы более распространены в Казахстане, нежели (как это было прежде) в Туркменистане. Это находит отражение и в восприятии советской эпохи молодым поколением. Информанты из Казахстана более склонны акцентировать внимание на «травматических» эпизодах в истории якобы «колониального» прошлого страны, игнорируя (или даже не зная) то, какими значительными были инвестиции советского периода в экономику, культуру и образование Казахстана. Достаточно упомянуть, что первый казахский ВУЗ был основан в советское время – в Алма-Ате в 1928 г. был учрежден Казахский государственный университет (сейчас КазНПУ имени Абая).

В то же время критические настроения и постимперский дискурс среди молодежи Казахстана не являются преобладающими. Большинство онлайн-респондентов выражает позитивное отношение к совместному с Россией социалистическому прошлому. Из одиннадцати событий, которыми, по мнению опрошенных, гордится казахстанский народ, пять связаны с советским периодом (см. Таблицу 1).

В Таблице 1 указано, что на третьем месте по частоте упоминаний находится победа в Великой Отечественной войне. Один из участников фокус-групп отметил следующее: *«Потом я думаю, как период все-таки Великой Отечественной войны — это отдельно, это обсуждению не подлежит, потому что героическая защита Москвы и Сталинграда и так далее, и так далее это тоже мощный период был в истории Казахстана»* (ФГ 1, Республика Казахстан). Примечательно, что в контексте обсуждения войны 1941–1945 гг. внимание респондентов одновременно сосредотачивается как на совместной Победе, так и на вкладе, который внес в нее казахский народ.

Равным образом респонденты из Туркменистана называют Великую Отечественную войну наиболее значимым событием и для СССР в целом, и для своей страны в частности. Интересно, что в фокусированных интервью в Туркменистане, в отличие от Казахстана, нет ссылок на недостаточное внимание «к заслугам туркменского народа в ВОВ», его «геноцид», «голодомор» и т.д., как это часто обозначено в интервью и фокус-группах респондентов из РК. Между тем именно такие нарративы доминируют в политике памяти, активно проводимой в Казахстане. Среди других событий советского периода опрошенные особенно выделяют те, которые непосредственно относятся к местной истории: землетрясение в Ашхабаде 1947 г. и проведение газопровода Средняя Азия–Центр в 1967 г.

Прыжок в будущее

Еще одним направлением политики памяти является формирование траектории будущего, сопровождающееся в определенной степени обнулением прошлого. Как самый главный, переломный момент в истории своих государств респонденты из Туркменистана и Казахстана называют дату обретения независимости. Она становится точкой отсчета как прошлого, так и будущего. Под этим подразумевается ре-интерпретация совместного с Россией исторического пути с позиции «травмирующих событий» (которая порой диаметрально противоположна реальной истории, как это иногда происходит в Казахстане), и одновременная разработка проекта дальнейшего развития, основанного на особом внимании к «великой» древности народов.

Большинством респондентов из Казахстана помимо самого дня обретения независимости – 16 декабря 1991 г. (*«освободились от диктата Москвы»*) – упоминается совокупность символических актов, свидетельствующих о государственном суверенитете: принятие Конституции 30 августа 1995 г., указ о введении национальной валюты 12 ноября 1993 г. Они рассматриваются в контексте не только легитимации новой государственности, но и обеспечения свободы передвижения, а также возможностей получения образования за рубежом, прежде всего на Западе. Такое образование воспринимается как своеобразная гарантия лучшего будущего. О достаточно выраженном векторе ориентации на Запад могут свидетельствовать следующие высказывания:

«Независимость мы получили. Много детей за рубежом, до этого было, конечно, но было не так. Вот ... большие преимущества»; «Для этого и развивается наш народ, развивается кругозор детей, развивается кругозор молодёжи сейчас. Сейчас многие руководители тоже с Болашака¹³, они тоже обучались в зарубежных странах, сейчас управляют нашей страной» (информант № 4, Республика Казахстан).

В Туркменистане совокупность событий, символизирующих путь к будущему, включает в себя обретение независимости (1991 г.), вступление в ООН (1992 г.), утверждение нового флага (1992 г.) и концепции нейтралитета (1995 г.), а также (упоминаемое единично) принятие конституции (1992 г.). Возведение нейтралитета в ранг государственной политики является отличительной чертой этого государства в Каспийском макрорегионе.

Во мнениях респондентов из Казахстана и Туркменистана о современном этапе развития бывших союзных республик (после 1991 г.) можно выделить некоторые сходства. Во-первых, опрошенные из Туркменистана тоже расценивают постсоветский период как наиболее важный. Один из участников фокус-групп объяснил это следующим образом: *«Для нас, конечно же, будет время постсоветское, потому что мы родились... уже знаем, то есть мы будем судить по своему детству»* (ФГ 1, Республика Туркменистан). Во-вторых, респонденты из Туркменистана также считают, что после распада СССР у граждан молодого государства появились новые возможности: *«Мне кажется, сейчас возможностей больше, чем в то время...»* (ФГ 3, Республика Туркменистан). Некоторые информанты даже полагают, что провозглашение независимости и нейтралитета способствовало активизации борьбы с наркотрафиком. Так, один из участников фокус групп, назвав советскую эпоху *«временем наркотиков» (!)*, отметил: *«Сейчас вообще уже убрали, все чисто. Боролись с этим больше. Количество потребителей, количество распространителей было больше, чем сейчас»* (ФГ 5, Республика Туркменистан).

Исходя из ответов респондентов, можно прийти к заключению, что обретение независимости и закрепление нейтрального статуса во внешней политике способствовали усилению государствообразующих тенденций и консервации национальных традиций. В этом смысле показательны следующие высказывания: *«Ну, из всех неповторяющихся я написала традиции..., то есть, несмотря на то, что мы были в составе другого государства, мы все равно сохранили свои традиции, обычаи. То есть это для нас значимые, ну, лично для меня очень значимые и перестройка то есть, после перестройки, где начались все стройки именно с туркменскими орнаментами, именно со статуями Ниязова, первого президента вот...»*; *«Да, появился какой-то слой узнаваемости. В то же время у нас был золотой век, это десятилетие, для всех жителей*

¹³ Стипендиальная программа первого президента Н. Назарбаева для подготовки кадров высшего звена в ведущих компаниях и университетах мира.

было бесплатно соль, мука, вода, газ и т.д. Несмотря на то, что ну сейчас, если сейчас сравнить, тогда была зарплата меньше, но все равно людям на все хватило» (ФГ 4, Республика Туркменистан).

Студенты из Туркменистана ассоциируют провозглашение независимости с расширением границ личной свободы, прежде всего подразумевая возможности передвижения и выбора места обучения. *«Да, свобода передвижения. Куда хотите, туда поедете учиться. Тут хотите – живите»*. В ответах респондентов отсутствует явная ориентация на западные вузы и фонды. Многие признаются, что приехали учиться в Россию, следуя примеру родителей, которые о своих студенческих годах вспоминают с ностальгией.

Таким образом, в сознании молодежи обоих государств формируется образ будущего. При реализации политики памяти разрыв темпоральности в восприятии происходит неоднократно – между далеким прошлым, о котором молодежь преимущественно знает только, что оно было, и настоящим; между «имперским» прошлым и «постимперским» настоящим; между обретением независимости как точкой, определяющей пересмотр и прошлого и настоящего, и будущим, про которое молодежь знает только то, что оно будет.

Заключение

Векторы политики памяти являются одним из определяющих факторов конструирования новых идентичностей постсоветских обществ Каспийского региона (Казахстана и Туркмении) и имеют в целом общую направленность – создание новой национальной идентичности, которая стала бы «зонтичной». Под этим термином понимается идентичность / надидентичность, заключающаяся в осознании человеком своей принадлежности к большой социальной общности, объединяющей представителей разных групп, то есть своего рода зонтичная всеобъемлющая идентичность. Примером зонтичной идентичности может выступать гражданская и региональная идентичности представителей поликультурных обществ (Лепшокова, 2021). В исследуемых прикаспийских республиках политика памяти реализуется в соответствии с моделями, схожими с таковыми в других постсоветских государствах. Они включают в себя фундаментализацию собственного прошлого за счет его «удревления», пересмотр и переоценку совместного с Россией исторического пути как «травмирующего» опыта, а также определение перспектив будущего развития. Эти процессы направлены на обоснование и упрочение политической самостоятельности, демонстрацию новых горизонтов и возможностей. Вместе с тем, настоящее исследование показало, что применение этих моделей не всегда приводит к одинаковым результатам. Во-первых, не везде политика памяти находит ожидаемый отклик в молодежной среде, для которой она в основном предназначена. Восприятие представителей старшего поколения, часть жизни которых пришлось на время существования СССР, гораздо меньше поддается трансформации. Попытки «удревления» истории среди молодых

граждан обоих государств оказываются недостаточно эффективными, однако в Казахстане разработчики этой политики добились больших результатов, порой вопреки реальной истории, которая существенно отличается от той, что представлена «исторической памятью». Во-вторых, в контексте переосмысления советского прошлого как «имперской» травмы, ситуация также носит более обостренный характер в молодежной среде Казахстана, нежели Туркменистана, что также является результатом целенаправленной политики памяти, проводимой в Казахстане. Здесь как «травма» порой воспринимается даже Великая Победа (!) – из-за кажущегося умаления роли казахстанцев в ее приближении.

Представляется, что эти различия обусловлены социально-политическими особенностями Казахстана и Туркменистана. Внешнеполитический курс первого, как и в случае с некоторыми другими государствами на постсоветском пространстве, ассоциируется с понятием «многовекторность» (Романова, Морозова, 2023). Публичная власть носит более светский и западно-ориентированный характер. От других бывших союзных республик в Центральной Азии Казахстан отличается сложным этническим и конфессиональным составом с достаточно высоким процентом «нетитульного» населения, что, с одной стороны, побуждает политические элиты искать компромиссные пути конструирования идентичности, а с другой – может провоцировать конфликты среди радикально настроенной части казахов. Основной отличительной характеристикой Туркменистана является нейтралитет во внешней политике, который в период президентства С. Ниязова расценивался преимущественно как инструмент изоляционизма. В последние годы Туркменистан становится более открытым для связей с Россией, в том числе и в области образовательных коммуникаций. Изученные государства являются ближайшими соседями России в Каспийском регионе, и характер процессов формирования новой исторической памяти и идентичности – показатель будущих межкультурных коммуникаций и взаимного диалога.

Список литературы

1. Bauman Z. (1993) *Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality*. Blackwell, 300 p.
2. Valéry P. (1957–1960) *Essais quasi politiques*. In *Œuvres*. Vol. 1. By P. Valéry. Paris, Gallimard, pp. 971–1150.
3. Арендт Х. (2014) *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли* (пер. с англ. и нем. Д. Аронсона). М.: Изд-во Института Гайдара, 416 с.
4. Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа. *Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI в.: коллективная монография*. Отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Изд-во Совпадение, 2015. С. 29–57.
5. Грозин А.В. (2022a) Историческая политика как фактор внутривнутриполитического процесса в странах постсоветской Азии. Часть 2. *Постсоветский материк* 3(35): 131–147. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_3_131.

6. Грозин А.В. (2022b) Историческая политика как фактор внутривнутриполитического процесса в странах постсоветской Азии. Часть 1. *Постсоветский материк* 2(34): 114–134. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_2_114.
7. Лепشوкова З.Х. (2021) Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы. *Национальный психологический журнал* 2(42): 61–75. DOI: 10.11621/npj.2021.0206.
8. Мальцев Д. (2017) Исторические мифы стран Средней Азии. *Россия и мусульманский мир* 2(296): 48–80.
9. Плотников Д.С. (2018) Изменения в политике памяти в государствах – союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года. *Вестник Пермского университета. Политология* (1): 92–107. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-92-107.
10. Плотников Д.С. (2016) Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе. *Вестник Пермского университета. Политология* (2): 157–168. DOI: 10.17072/2218-1067-2016-2-157-168.
11. *Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад.* (2017) Отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 229 с.
12. Романова А.П., Морозова Е.В. (2023) Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры. *Мировая экономика и международные отношения* 67(7): 99–116. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102.
13. Тулешов В. (2017) К вопросу о формировании и развитии идентичности в Казахстане и Центральной Азии. *Центральная Азия – 25: Мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии.* С. 36–39.
14. Федорова М.М. (2021a) Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность. *Полилог* 5(2). DOI: 10.18254/S258770110015839-4.
15. Федорова М.М. (2021b) Политические практики прогрессизма. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 12(10(108)). DOI: 10.18254/S207987840017711-1.
16. Федорова М.М. (2023) О парадоксах времени истории. *Философский журнал* 16(2): 127–143. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-127-143.
17. Хлыщева Е.В. (2022) Формирование идентичности в образовательном процессе России и Казахстана: сравнительный анализ. *Полилог* 6(4). DOI: 10.18254/S258770110023490-1.
18. Хлыщева Е.В., Тихонова В.Л. (2023) «Культура отмены» как механизм конструирования национальной идентичности стран каспийского макрорегиона (на примере анализа учебной литературы Казахстана и Туркменистана). *Концепт: философия, религия, культура* 7(2): 104–123. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123.

MEMORY POLICY AND THE CONSTRUCTION OF NEW IDENTITIES IN THE GREATER CASPIAN COUNTRIES: THE CASES OF KAZAKHSTAN AND TURKMENISTAN

Dr **Anna P. ROMANOVA** – Professor, Director of the Research Center for Problems of the South of Russia and the Caspian Region, Astrakhan Tatischev State University.

ORCID: 0000-0001-8537-4893. E-mail: aromanova_mail@mail.ru

20 A Tatishcheva str., Astrakhan, Russia, 414056.

Dr **Mariya M. FEDOROVA** – Dean of the Faculty of Political Science, State Academic University for the Humanities; Head of the Sector of the History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-1181-5219. E-mail: mf57@yandex.ru

26 Maronovsky Lane, Moscow, Russia, 119049.

Received November 22, 2023

Accepted March 30, 2024

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00301 "The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security."

Abstract: The article analyses the formation of new identities in the Caspian post-Soviet republics. The overall importance of the subject under consideration stems from the need to reassess Russia's current foreign policy interests and its renewed role in the international arena. Throughout Russian history the Caspian region has been of a particular interest. The development of the Caspian region is perceived as a complex issue, entailing tough negotiations on the Caspian Sea shelf, emerging alternative transport routes bypassing Russia, etc. The Caspian Sea region is becoming a place where the configuration and alliances of various political forces may be multivariate and unpredictable. Therefore, the relevant task is to identify the peculiar patterns of identity formation in the Caspian countries, emphasizing the role of memory policy. The paper focuses on Turkmenistan and Kazakhstan using sociological survey (both quantitative and qualitative), conducted by the authors, as a basic research method. The respondents were young citizens of both countries. The study shows that Kazakhstan and Turkmenistan use the same patterns to shape new memory policy, namely the fundamentalization of their own past through its ancientization, the revision and revaluation of the past shared with Russia and the anticipation of future opportunities. These processes are aimed at reinforcing political independence and demonstrating new prospects. At the same time, the results of the memory policy are controversial and its efficiency differs in these states: the coherence between expected and actual results is more evident in Kazakhstan.

Keywords: memory politics, collective identity, Kazakhstan, Turkmenistan

References:

1. Bauman Z. (1993) *Life in Fragments. Essays in Posmodern Morality*. Blackwell, 300 p.
2. Valéry P. *Essais quasi politiques*. In: *Œuvres*. Vol. 1. By P. Valéry. Paris, Gallimard, pp. 971–1150.
3. Arendt Kh. (2014) *Mezhdú proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli* (per. s angl. i nem. D. Aronsona) [Between past and future. Eight exercises in political thought (translated from English and German by D. Aronson)]. Moscow: Gaidar Institute, 416 p. (In Russian).
4. Vasil'ev A.G. (2015) Kul'turnaia pamiat'/zabvenie i natsional'naia identichnost': teoreticheskie osnovaniia analiza [Cultural memory/forgetting and national identity: theoretical foundations of analysis]. In: *Kul'turnaia pamiat' v kontekste formirovaniia natsional'noi identichnosti Rossii v XXI v.* [Cultural Memory in the Context of Russia's National Identity Formation in the 21st Century] Ed. N.A. Kocheliaeva. Moscow: Sovpadenie, pp. 29–57. (In Russian).
5. Grozin A.V. (2022a) Istoricheskaia politika kak faktor vnutripoliticheskogo protsessa v stranakh postsovetskoi Azii. Chast' 2 [Historical politics as a factor of the internal political process in the countries of post-Soviet Asia. Part 2]. *Postsovetskii materik* [Post-Soviet Continent] (3(35)): 131–147. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_3_131. (In Russian).
6. Grozin A.V. (2022b) Istoricheskaia politika kak faktor vnutripoliticheskogo protsessa v stranakh postsovetskoi Azii. Chast' 1 [Historical politics as a factor of the internal political process in the countries of post-Soviet Asia. Part 1]. *Postsovetskii materik* [Post-Soviet Continent] (2(34)): 114–134. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_2_114. (In Russian).
7. Lepshokova Z.Kh. (2021) Inkluzivnye i ekskluzivnye identichnosti i kontakty: rol' tsennosti i statusa etnicheskoi gruppy [Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of ethnic group values and status of ethnic groups]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal] (2 (42)): 61–75. DOI: 10.11621/npj.2021.0206. (In Russian).
8. Mal'tsev D. (2017) Istoricheskie mify stran Srednei Azii [Historical myths of Central Asian countries]. *Rossii i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim world] (2(296)): 48–80. (In Russian).
9. Plotnikov D.S. (2018) Izmeneniia v politike pamiati v gosudarstvakh – soiuznikakh Rossii na postsovetском prostranstve posle 2014 goda [Changes in "Politics of Memory" of the Post-Soviet Russia's Allies After 2014]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science] (1): 92–107. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-92-107. (In Russian).
10. Plotnikov D.S. (2016) Konstruirovaniie istoricheskogo proshlogo v gosudarstvakh Tsentral'noi Azii v kontekste vystraivaniia vzaimootnoshenii s Rossiei na sovremennom etape [Constructing the Past of Central Asia in the Context of Building Relations With Russia at the Present Stage]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science] (2): 157–168. DOI: 10.17072/2218-1067-2016-2-157-168. (In Russian).
11. *Regulirovaniie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiia v usloviakh kul'turnogo raznoobrazii: modeli, podkhody, praktiki. Analiticheskii doklad* [Regulating ethno-political conflict and maintaining civil harmony in conditions of cultural diversity: models, approaches, practices. Analytical report] (2017) Ed. I.S. Semenenko. Moscow: IMEMO RAN, 229 p. (In Russian).
12. Romanova A.P., Morozova E.V. (2023) Konstruirovaniie novykh identichnostei v sovremennom Kazakhstane: tendentsii i orientiry [Construction of New Identities in Modern Kazakhstan: Trends and Reference Points]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [MEMO Journal] 67(7): 99–116. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102. (In Russian).

13. Tuleshov V. (2017.) K voprosu o formirovanii i razvitii identichnosti v Kazakhstane i Tsentral'noi Azii [On the issue of the formation and development of identity in Kazakhstan and Central Asia]. In: *Tsentral'naia Aziia - 25: Mysli o proshlom, proektsiia budushchego. Sbornik esse iz Tsentral'noi Azii* [Central Asia - 25: Thoughts on the Past, Projection of the Future. A collection of essays from Central Asia]. Pp. 36–39. (In Russian).
14. Fedorova M.M. (2021a) Istoricheskoe soznanie epokhi moderna i politicheskaiia proektivnost' [Historical consciousness of the Modern era and political projectivity]. *Polilog* [Polylogos] 5(2). DOI: 10.18254/S258770110015839-4.
15. Fedorova M.M. (2021b) Politicheskie praktiki progressizma [Political Practices of Progressivism]. *E'lektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal «History»] 12(10(108)). DOI: 10.18254/S207987840017711-1
16. Fedorova M.M. (2023) O paradoksakh vremeni istorii [On the paradoxes of the time of history]. *Filosofskii zhurnal* [The Philosophy journal] 16(2): 127–143. DOI: 10.21146/2072-0726-2023-16-2-127-143. (In Russian).
17. Khlyshcheva E.V. (2022) Formirovanie identichnosti v obrazovatel'nom protsesse Rossii i Kazakhstana: sravnitel'nyi analiz [Identity Formation in the Educational Process in Russia and Kazakhstan: Comparative Analysis]. *Polilog* [Polylogos] 6(4). DOI: 10.18254/S258770110023490-1. (In Russian).
18. Khlyshcheva E.V., Tikhonova V.L. (2023) «Kul'tura otmeny» kak mekhanizm konstruirovaniia natsional'noi identichnosti stran kaspiiskogo makroregiona (na primere analiza uchebnoi literatury Kazakhstana i Turkmenistana) [Cancel Culture in Constructing National Identity of the Caspian Macro-region Countries (on the Example of Textbooks in Kazakhstan and Turkmenistan)]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture] 7(2): 104–123. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123. (In Russian).